

проблема простых объектов "Трактата" Витгенштейна

Лорети Анджело Винченцович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра истории зарубежной философии, Москва, Россия

E-mail: loreti_a@yahoo.it

Теория изображения заключается исключительно в том, чтобы рассматривать факт в качестве другого факта, который может быть как осуществимо, так и не осуществимо. Данный второй факт есть именно смысл картины, и каков он, определено и структурой картины, и связями элементов картины и вещей. Теперь именно осуществленное положение вещей определяет истинность или ложность картины и определяет ее именно на основе того, как элементы картины соединены между собой на основе структуры картины. Поэтому нам необходимо посмотреть именно на эти элементы, чтобы узнать, истинна ли картина или ложна, и ответ нам дает структура картины. Но тогда тем, что определяет смысл каждой картины, является то, куда и как мы должны смотреть, чтобы узнать, истинная ли картина или ложная. Правда, что обычно эти связи «элемент-вещь» устанавливаются между сложными вещами, а не между простыми объектами, но ясно, что коррелировать одну совокупность элементов с другой, означает коррелировать косвенно конечные составные части первой со второй, то есть в итоге простые составные части с другими простыми частями. Но мы знаем, как эти эмпирические составные части действительности неслучайны, а всегда даны. Поэтому вместе со смыслом картины дается верный путь – поскольку они являются вещами – чтобы принять решение об истинности картины или ложности, и наоборот. Но осмысленное предложение есть неподдельная картина, и потому смысл предложения является метод ее проверки. Это является знаменитым принципом верификации, явно высказанным Витгенштейном только в 29-м году уже при первой философской деятельности. Замечено, что он потом был принят – через посредничество Вайсмана и Шлика – членами «Венского кружка» и возведен до фундаментального принципа методологии. Можно с уверенностью утверждать, что представители неопозитивистской школы не поняли ни контекст данного принципа, ни его происхождения. В действительности трудно отделить принцип верификации от теорий «Трактата» изображения и простых объектов. Как видно, можно, безусловно, интерпретировать его, как усовершенствованную формулировку двух предложений «Трактата», которые мы процитировали. Таким образом, в теории о простых объектах в «Трактате» можно увидеть в скрытом форме предпосылки принципа верификации, который получит явную формулировку только после 1929 г. Но как мы видели, в «Трактате» Витгенштейн не решил проблему, что такое простой объект, что в реальности ему соответствует. Данный вопрос получит ответ позднее, в «Философских заметках». Но чтобы ответить на вопрос о том, что в реальности простым объектам соответствует, Витгенштейн должен будет прибегать к помощи открыто феноменологической онтологии. Окажется, что простые объекты (т.е. реальность) являются сенсориальными данными. А это значит, что в конечном счете наш язык в том или в ином виде отсылает себя к индивидуальным ощущениям, и потому можно его рассматривать как индивидуальный. Настолько было осмысленно и возможно построение индивидуального языка в «Философских заметках» будет сказано в третьей главе. А в данном этапе нашего исследования следует приостановить изложение теорий «Трактата» и «Философских заметок» и поставить перед собой задачу разъяснить концепцию верификационизма и индивидуального языка неопозитивистов. Только на фоне идей неопозитивистов принцип верификации и концепция индивидуального языка в «Философских заметках» станут более ясными. Сущностью данного принципа является прежде всего

строгая концепция об истинности и ложности, которая была изложена уже в «Трактате». Если различие между истиной и ложью не обманчиво, и если деятельность мысли и речи должна быть четко и окончательно ограничена чем-то, что может служить последней, неподвергающийся сомнению, инстанцией, значит, подобное ограничение не может быть результатом какой-либо манипуляции познающего субъекта. Оно должно быть именно та же самая действительность, которая по ту сторону недоразумения и интерпретации навязывает свою присутствующую данность, подтверждая без посредников и соответственно отрицая то, что есть истинно, и то, что есть ложно. Только та же самая действительность, а не какое-нибудь ее отражение или симптом, может не оставлять сомнений на самом деле. То, что предложение - истинно, значит, что, в конечном счете, самая действительность заставляет признать его истинным. Или лучше, что на основе установленных правил и действительности предложение оказывается соответствующим истине, что часть действительности высказывается за него. Теперь, чтобы предложение имело смысл, не требуется, чтобы оно было истинным, но требуется, чтобы оно могло быть истинным. Но что означает: «Это предложение не истинно, но могло бы быть истинным?» Только то, что та часть действительности, которая могла бы иметь решающее значение в пользу предложение, не дана, но могла бы быть дана. И в этом смысле подчеркивается вторая сущность принципа верификации: он - своего рода принцип сохранения («ничего не создается и ничего не разрушается») доведенный до метафизического закона. В этом принципе излагается отказ от изображения целого, возникшего из ничего. В каждом возможном присутствии различается комбинация первобытных элементов, предшествующих совокупность; в каждом отсутствии - нехватка комбинации данных элементов. Часть действительности могла бы быть данной, также и если бы не существовала, потому что дано все то, что могло бы составить ее, может в предложении, например, которое отличается от того, которое необходимо, чтобы составить ту самую часть действительности. Чтобы все возможные предложения имели смысл, необходимо, чтобы постоянно и безоговорочно были даны составляющие элементы всех возможных частей действительности вне всякого частного опыта. Остается ответить на вопрос, все менее неотложный, о том, чем является действительность, имеющая опровергающую и подтверждающую силу, и которая навязывается без какого-либо посредничества, и также следует ответить на вопрос, о том, чем являются конечные составляющие элементы этой действительности. Решение данных проблем подсказывается само по себе в параграфе 36 «Заметок» . Первичной действительностью является совокупность сенсорных данных – звуки, цвета и т.д. – и ее конечными составляющими являются различные чувства, воспринимаемые как возможность этих данных. Но выражение «сенсорные данные» и «чувства» не следует понимать натуралистически, как отнесенные к чувствительности органов тела – организма – по отношению к окружающей, и между прочим тоже телесной, среде. Сенсорные данные, например, хроматические есть то, что, будучи ничем не связаны ни с физикой ни с физиологией, отменяется и заменяется другими данными, когда происходит то, что в повседневном языке описывается как «закрывать глаза» (в освещенной окружающей среде, при нормальных условиях). В этом направлении можно было бы увеличить количество примеров. Что такое чувство, скажем акустическое, объясняется в различии, которое отделяет внутреннее ощущение абсолютной тишины (отсутствие слуховых сенсорных данных) от состояния, которое я почувствовал бы, если бы мне не хватало именно слуха (невозможность слуховых сенсорных данных, чуждость тому же понятию звука). Невозможно понимать «Заметки», если лично не оперировать строгой интroversией, которая переворачивает обычный порядок рангов между физическим миром и перцептивным миром. Физический мир обычно понимается, как огромная и самодостаточная действительность, предшествующая перцептивный мир, который, напротив, представляет собой лишь лабильную и ограниченную копию физического мира, и кото-

рая отличается неопределенными природой и порядком. Теперь объяснения, которые мы только что предоставили, несмотря на их неточность и грубость, могут, по крайней мере, претендовать на инструкции для тех, кто хочет предложить самим себе остенсивное определение «сенсорных данных» и «чувств». Если им следовать, вполне можно прийти к выводу, что сенсорные данные являются независимой и непроеизводной действительностью и никогда – псевдодействительностью. Напротив, можем допускать, что они составляют именно действительность, более прочную и недоступную сомнениям. В самом деле, если признать галлюцинаторный характер в каждом перцептивном данном, т. е. нереальность физического денотата, то существование таких галлюцинаций не может подвергаться сомнению. Любое восприятие, в том числе галлюцинаторное, является нечто, причем очень имеющее очень важное значение. Если каждое наше прошлое восприятие было бы галлюцинацией, то целый физический мир не существовал бы, но оставался всегда нетронутым сомнениями настоящий поток восприятий, который со своей стороны так и образовало бы в любом случае, ни больше ни меньше, наше полное существование, нашу жизнь. (мысль о том, что возможно никакие из наших сенсорных данных не существовали – равно мысли о том, что нас никогда не существовало). В этом процессе мышления именно физический мир постепенно выцветает, пока станет тенью небольшого значения. Если признавать действительность – не физическую, а настоящую и независимую от него – сенсорных данных, и если с другой стороны не отказываться от действительности физического мира, то возникает проблема отношений между двумя действительностями, их маловероятного сосуществования. За исключением необычно глубокой апории [57, первая заметка], необходимо оставить подобный дуализм и привести физическую действительность к феноменальной (или сенсорной): необходимо принять к сведению, что никогда не было двух действительностей, а что первая есть не что иное, как вторая, рассматриваемая в более или менее внушительном и тесном порядке воспоминаний и ожиданий. (Наша феноменальная картина в определенное мгновение воспринимается нами, как открытие, проявление доли физического мира, лишь потому что мы мгновенно проектируем на него кругом сложную сеть воспоминаний о картинах прошлого и не менее сложную сеть ожидаемых картин будущего). Согласно Витгенштейну, данное мировоззрение, таким образом, является менее парадоксальным, чем можно представить, по крайней мере менее парадоксальным по сравнению с противоположным мировоззрением. В конце концов, в рамках более сурового здравого смысла, нужно было бы признать, что выражение «то, что о физическом мире мне было до сих пор дано», если рассматривать с абсолютной строгостью, обозначает ровно то, что также и обозначает выражение «прошлый поток моих сенсорных данных». Если мы допускаем физический мир кроме феноменального, то следует также допускать, что мы никогда не выходили из второго, чтобы наконец-то выглянуть в первый; следует допускать, что если феноменальный мир есть только неполный и эфемерный образ физического мира, то ограничение в мирах образов и воображений за счет оригинального, физического мира было бы результатом только очень маловероятного несчастья. В этом смысле Витгенштейн выражается в отличном своим необычным метафорическим пафосом параграфе [47]. Феноменальные данные есть именно все то, что нам дано о физическом мире. Но это означает, что каждое утверждение о физическом мире находит свое подтверждение или опровержение последней инстанции именно в феномене; если неоспоримо, что предложение о физическом мире никогда не является простым описанием процесса феноменальных данных, из всего того стоит этого вывести, то физический мир есть смысл совокупности предложений, которые являются не только описаниями, но и гипотезами или совокупностями гипотез о процессах феноменальных данных. Во философии «Заметок» Витгенштейну принадлежит заслуга переформулировать общую концепцию «Трактата», самую по себе априорную, в условиях крайнего субъективизма и,

следовательно, в некотором отношении, крайней очевидности, что делает ее полностью отредактированной в понятности и естественности. Область чувств (как и возможность сенсорных данных), к которым следует добавить пространство и время (но пространство сенсорное и время пережитое), по всей видимости обладают теми свойствами, присущими области простых объектов: на сенсорные потенциалности в конечном итоге ссылаются и процесс верификации, и смысл любого предложения о мире; сенсорные потенциалности являются неотъемлемыми и непрекращающимися условиями каждого отдельного опыта, абсолютно очевидными в своей сущности, но при этом необусловленные каким-либо отдельным опытом. Они чертят пределы эмпирической действительности и отличаются точно установленной способностью взаимной комбинации. (Таким образом, чтобы проиллюстрировать данные утверждения, также в отрицательном факте абсолютной тишины появляется простой объект звука, именно в положении несоединенного объекта никаким способом с объектом пространства, но при этом следует его рассматривать как присутствующим, ведь он определяет тишину как тишину, а не как, например, отсутствие цвета. Как я не мог бы представить, что моя хроматическая система не содержит все цвета, которые на самом деле содержит, и даже, впрочем, что в определенный момент может появиться совершенно новый для меня цвет или новое чувство. Так же, неоспоримо, что между звуками возможны отношения, наличие которых было бы бессмысленно признавать между звуками и цветами и так далее). Подходя к концу главы, мы можем заключить, что философия «Заметок» по большому счету является философией «Трактата» если выражение их предложения 1 «то, что происходит» понимается как твердая действительность и потому конечный критерий как подтверждения, так и опровержения, т.е. если допускать, что «то, что происходит» ссылается на наличие настоящих феноменологических данных.